

Марлен Ларюэль

**Национализм и государственный контроль в России:
хрупкий социальный консенсус**

Marlène Laruelle

Nationalism and state control in Russia: A weakened social consensus

*Сайфулин Илья Сергеевич (перевод. с англ.)
аспирант ФГБОУ ВПО «Тамбовский
государственный технический университет»*

*Sayfulin Ilya S.
Postgraduate student of the Tambov State
Technical University
E-mail: agentionis@bk.ru*

УДК 323.1

ББК 66.3

C12

Статья является переводом публикации профессора университета им. Джорджа Вашингтона Марлен Ларюэль, опубликованной в 2011 году в "Revista CIDOB d'afers internacionals". Оригинал статьи: URL: <http://www.cidob.org/ca/content/download/30508/415642/file/Afers+96+articulo+Marlène+Laruelle.pdf> (дата обращения 12.12.2013). Анализируются социальные движения, политическая философия и национальные идеологии на территории постсоветской России.

Ключевые слова: Россия, крайне правые, национализм, ксенофобия, патриотизм

Keywords: Russia, extreme right-wing, nationalism, xenophobia, patriotism

Национализм представляет собой интерактивный феномен, функция которого заключается в объединении граждан и узаконивании выбора, сделанного элитами, а также обеспечении социальной сплоченности в период кризиса. В России он подпитывает травму, полученную после распада Советского Союза, которая заставила российское общество надеяться на иную форму консервативного модернизма. Национализм в России развивается в нескольких плоскостях. Это инструмент, с помощью которого элиты могут добиться успеха (хотя бы внешнего), преодолеть внутренние разногласия и объединиться под одним политическим знаменем. Он также может быть приравнен к новой форме общественного договора, попытке склонить общество в свою пользу, опираясь на те элементы его культурной самобытности, которые формируют консенсус вокруг темы патриотизма. Наконец, для крошечной части населения, такой как радикально-правые партии, национализм облегчает мобилизацию против "других", когда массовое социальное недовольство выражается в ксенофобии. Таким образом национализм в России не ограничивается только крайне правыми или маргинальными группами, по-видимому, это связано с некоторыми политическими, социальными и культурными нормами.

В отличие от государств - членов Европейского Союза, Россия не претерпела эрозию своей национальной государственности, концентрируя усилия на благо наднациональных инстанций. При этом она не относится к категории стран, которые только что вышли из колониального прошлого и фактически должны построить новую политическую идентичность с нуля. Подтверждая свою историческую преемственность вне смены политического режима (Царская империя, Советский Союз, Российская Федерация), Москва может опереться на давние государственные традиции, а также и на своё величие, которое обязывает представлять себя как национальное государство. Россия должна понять, как создать новый социальный консенсус, который позволит учесть все изменения, пережитые за последние два десятилетия и изменения, связанные с процессом глобализации, например, феномен миграции. Национальное самосознание непостоянно.

Это скорее структура в развитии, так как происходит постоянная трансформация и симптоматическая переориентация общества к новой геополитической, политической, экономической и социальной ситуации. Со всеми противоречиями и двусмысленностями, нация остается привилегированным средством выражения гражданства и показывает, если доказательство было необходимо, что национальное самосознание подвергается непрерывному процессу самообновления.

Укрепление позиций национализма на фоне развала 90-х

В годы перестройки интеллектуальная сцена в России была во власти дебатов по интерпретации ее Сталинского прошлого и повтора открытий различных бесед о “русской идее”. Последняя дискуссия вдохновила часть русского интеллектуального мира в 19 и начале 20 веков, объединив его в идею, что национальная сущность наполнена такими вневременными чертами, как мессианиззм, православная духовность и чувство общности или духовной общины (соборность). С первых славянофилов с 1830-х годов и до современных доктринеров, задачей которых является определение нации, осуществлялось расширение дискуссий о личности. Вместе с экологическими вопросами с 1960 года среди определенных диссидентских кругов и учреждений, таких, как Союз писателей Советского Союза, который занимал важное место в рождении общественного мнения во второй половине 1980-х годов, обсуждались вопросы о снятии табу на царский режим и восстановлении православной веры. Обобщенный социальный опрос относительно распада империи, обусловленный конфликтами, которые впоследствии вспыхнули на Кавказе, в Средней Азии и Молдове, показал, что часть населения испытывает тоску, связанную с распадом Советского союза.

В начале 1990х годов такое стремление к самобытности, выражающееся в желании создать «нормальную страну», основанную на «общечеловеческих ценностях», было включено в политическую и интеллектуальную беседу. Большинство представителей элиты рассматривали Западную Европу в качестве образца и были заинтересованы тем, чтобы положить конец модели развития, принятой Советским Союзом. Однако, такой способ мышления не стал общепризнанным. Совсем скоро о себе начали заявлять инакомыслящие, в том числе Коммунистическая партия России (КПРФ), которая возникла в 1993 году из пепла несуществующей КПСС в унисон с деятельностью Московской Патриархии. Эти два лагеря выдвинули контрастирующую концепцию, выдвигая на первый план специфику цивилизации России. Коммунистическая партия создавала сложные учения о государственности на основе обновления "русской идеи". КПРФ утверждала, что русское самосознание определяется понятием духовности и превосходством государства (государственности) или другими словами, никакой великой русской власти не может существовать без духовности вдохновленной православием, в этом прорисовывалась прямая линия коммунизма (март 2002 года). Со своей стороны, церковь и в частности, митрополит Кирилл - глава православной церкви и начальник отдела Патриархии внешних церковных связей, который считается главным идеологом организации, выдвинул идею, что православие является скорее религией общества, нежели отдельного человека (Русселе 2000) и стремился теоретизировать существования «православной цивилизации» с ее собственными ценностями.

С 1992-1993 годов насильственные экономические и социальные преобразования показали, что всеобщее одобрение, полученное при переходе к рыночной экономике, быстро рассеялось. В результате этих беспрецедентных изменений, термин «демократия» принимал всё более и более негативные или даже оскорбительные коннотации в общественном мнении, поскольку он чаще всего использовался для определения политики, которая закрывает глаза на разграбление богатств страны олигархами. Упоминания о европейских достижениях затихли, демократия ассоциировалась с

разрушительным капитализмом и политические права человека стали считаться вторичными в условиях материальных потребностей для индивидуального выживания.

На протяжении 1990-х годов, недавно созданному российскому режиму пришлось пережить ряд потрясений, которые сыграли свою роль в девальвации западной модели (Саква 2007). Сильная конфронтация между президентом и Верховным Советом осенью 1993 года привела к гражданской войне и показала, насколько приверженцы европеизации презирали демократические дебаты в пользу сконцентрированного президентского режима. Потеря Россией влияния в постсоветском пространстве; дискриминация, которой русские были подвергнуты там, особенно в Латвии и Эстонии; тупик сепаратистских конфликтов в Приднестровье (Молдова), Южной Осетии и Абхазии (Грузия), а также создание антироссийского политического альянса для объединения Украины и Грузии, усугубляется геополитическим унижением второй державы в мире. Затем в 1996 поражение российской армии во время Первой чеченской войны было воспринято как еще одна травма. Чечня стала и остается по сегодняшний день гноящейся раной российских страхов. Третьим витком стали события, произошедшие в 1998 году, а именно финансовый кризис, который последовал за сложной международной ситуацией: позициях, принятых западными странами в югославских войнах и расширение НАТО на восток, кристаллизовали негодование российских граждан, которые были потрясены тем, что точка зрения Москвы не была принята во внимание.

Потребность в уважении на международной арене и возрождение российской власти стали основными темами в официальной беседе, которая консолидировалась вокруг общего чувства опасной идентичности. В 1999 году внезапное начало Второй чеченской войны сподвигло начать дискурс о: ксенофобии, безудержной исламофобии, и “войны против террора”, означенные понятия должны были стать двигателями общественного действия. В этом контексте связь национализма/патриотизма была представлена как ключевой пункт договора, который государство стремилось заключить с обществом. Проблемы, в том числе персонализация власти в лице президента, дискурс об угрозе национального единства, возвращение к статусу великой державы, как одного из важных элементов выживания страны, недоверие к Западу и обобщенные подозрения сговора между врагами России явились основными аспектами политической власти к началу 2000-х годов.

2000-е годы: сужение политической сферы до патриотических лозунгов

Государственное влияние доминирует в политическом пространстве России и в 21 веке. С середины 1990-х годов опасения, что страна будет омрачена поляризацией, приняли форму желаний к применению патриотических лозунгов для избавления от идеологического противостояния между сторонами. Во время двух президентских сроков Владимир Путин легализовал, структурировал в логическое целое и придал политическим процессам идеологический фон, наработанный в эпоху Ельцина.

В январе 1994 года, Кремль объявил, что либеральные реформы будут впредь проводиться в менее радикальной форме. В феврале этого же года в Думе, где доминировали ЛДПР и КПРФ, проголосовали за амнистию для путчистов августа 1991 года и повстанцам октября 1993 года. В 1995 году Борис Ельцин снял идеологический запрет, который был введен на патриотические темы вокруг организации торжеств к 50-летию окончания Второй мировой войны. Год спустя, 12 июня – Национальный день празднования Декларации суверенитета России 1990 года – президент утверждал, что «самое главное для России - это поиск национальной идеи, национальной идеологии» (Ельцин о национальной идее, Независимая газета, 13 июля 1996, р.1.). Правительственная газета - «Российская газета» начала конкурс на новую русскую идею и собрала сотни лозунгов, присланных читателями. Во время второго срока Ельцина появились новые фигуры, участвующие в патриотическом дискурсе и занявшие своё место на политической

шахматной доске: генерал Александр Лебедь (1950-2002), бывший премьер-министр и министр иностранных дел Евгений Примаков, мэр Москвы Юрий Лужков (Равиот 2007). Утверждая, что нет никакого позора в том, что Россия использует силовые методы во внутренней политике и представляется как великая держава во внешней политике, приверженцы “третьего пути” подкрепили патриотическую беседу и маргинализировали прозападный тон либералов.

Впервые с момента распада Советского Союза упоминания о родине уже не ограничивались политиками, представленными чудаками, радикалами или носителями фашистской угрозы, а были представлены рядом уважаемых фигур, близких к руководящим кругам. В парламентских выборах 1999 года, идея о том, что Россия должна определить свой собственный путь развития, получила поддержку либеральных партий, которые проанализировали ситуацию в стране с критической точки зрения. С момента создания президентской партии, которая тогда называлась «Единство», Владимир Путин был представлен как воплощение национального примирения. В первые годы двадцать первого века, Кремль доминировал благодаря "Единой России", партии, которая во имя национального единства была склонна к монополизации политического представительства и политических предложений. В парламентских выборах в декабре 2003 года, две так называемых оппозиционных партии, традиционного пропагандирующих националистические темы, ЛДПР Владимира Жириновского и КПРФ Геннадия Зюганова, присоединились к новой формации «Родина». Самопровозглашенный защитник левой политики Родина примирила фигуры националистов маргинальных кругов, людей, которые смогли создать альянс и преобразовать дискурс, когда-то считавшийся радикальным в "политкорректную" доктрину.

Все четыре думские партии строят свою легитимность на националистическую риторику с тех пор, как это было продемонстрировано в ходе декабрьских выборов 2007 года. Тема национализма, выраженного под лейблом "патриотический", стала преобладающим политическим языком России, в том смысле, что все стороны используют его. Никакая политическая фигура, независимо от её функций, не может получить легитимность без приверженности к родине и без её обоснования или её доктринального выбора в соответствии с высшими интересами нации. Отсюда патриотические лозунги позволяют правящей элите принимать решение о правомерности или неправомерности политического предложения, потому что проблема структурирования - внутреннее соревнование, которое характеризует бюрократию во власти, а не соревнование между различными видениями мира (Равиот 2008). Поэтому "Единая Россия" преуспела в сливании патриотических тенденций и их консенсуального характера в одной консервативной политической идеологии, которая представляет собой нечто среднее между двумя формами экстремизма, либеральной моделью 1990-х годов и полным отрицанием националистических и коммунистических течений.

Допустим ли патриотизм для новой формулировки общественного договора?

Патриотизм, продвинутый Кремлем, оказался контейнером без содержания, поскольку продвинутые им темы остаются общими и в целом согласованными: восстановить статус великой державы и быть услышанной на международной арене; иметь возможность говорить на равных условиях с великими державами в дипломатической, энергетической и военных областях; обновить имперскую традицию, защищавшую право Кремля контролировать «ближнее зарубежье»; бороться с демографической хрупкостью через меры по повышению коэффициента рождаемости; повторно централизовать страну, снимая табу на русификацию России; остановить подрыв центральной власти, который является угрозой целостности всего государства; подтвердить историческую непрерывность государства вне зависимости от политического

режима и изменения границ. Великая держава, государственность, сохранение страны, империи или родины: все эти понятия стали самыми банальными идеологическими лейблами. Идеологические референты властей частично вдохновлены известной тройкой: “Автократия, Национальность, Православие”, которая была разработана в девятнадцатом веке во время царствования Николая I (1825-1855), Сергеем Уваровым (1786-1855), который использовал три слагаемых для определения принципиально консервативного характера режима. В настоящее время существует патриотический консенсус, однако, построен он главным образом вокруг ностальгии по советскому прошлому, которую поддерживает население, преодолевая социальные и идеологические разногласия и даже, хотя и в более ограниченном виде, возрастные группы. Когда сфера сужена, появляются ограничения, консенсус растворяется и появляется ностальгия по советским временам и его отношению к религии, этническим группам или имперскому определению русской идентичности. Две больших проблемы - миграционная политика и национальная политика, разделяют правящие классы, так как они ставят вопрос о национальной идентичности России на практике, а не в теории. Однако, отличное идеологическое укрепление появилось с середины 2000-ых годов, в особенности относительно системы образования: для молодых людей были созданы патриотические образовательные программы и вновь переписанные учебники истории были проникнуты национальной приверженностью, которые подтверждают, что Кремль пытается участвовать в новом витке воспитания.

Власти поняли, что долгосрочный политический проект "Единой России" может ожить только через повторную политизацию общества в свою пользу (Саква 2008). Следовательно, идея состоит в том, что если люди отвергнут унижения и самоунижения, то станет возможным добиться экономического возрождения и реорганизации общества на автономных началах. Другими словами, патриотизм призван обеспечить возможность граждан “стоять на собственных ногах” и внести свой вклад, например, не уклоняться от воинской службы, имея детей, показывать солидарность пожилым людям, отказаться от алкоголя, участвовать в благотворительной деятельности, делая это для восполнения отсутствия государства в этих социальных сферах. Однако такой конформизм скрывает глубокие противоречия и не гарантирует, что государство будет в состоянии смоделировать общество так, как оно этого хочет. Это было доказано, например, патриотическими заявлениями молодых людей и их массовым уклонением от военной службы.

Патриотизм является социальным лейблом законности. Декларация патриотизма - конформистский жест, которым каждый гражданин подтверждает своё согласие с правилами игры и выражает свой интерес к стране, в любом случае затрагивающий частную жизнь или требующий изменений на практике. Таким образом, всем гражданам предлагается усвоить нормативный дискурс о легитимности государства и референтов, которые воплощают её. Однако, очень разнообразные методы могут быть найдены под этим лейблом. Не все социальные классы имеют необходимые инструменты в распоряжении для истолкований рассуждений, исходящих от органов власти. Люди, которые идентифицируют себя с национальными меньшинствами, а также с региональными элитами республик, защищают различные виды патриотизма с огромным количеством федералистских акцентов, основанных на уважении к национальному и религиозному многообразию страны. Церкви и объединения также хотят существовать за счет символических элементов, составляющих патриотизм, фокусируясь на своих специфических вопросах. Однако, чтобы сделать это, они должны вступить в спор с правительством, которое полагает, что у него есть монополия на выражение национального самосознания. Наконец, идеологический диапазон, который находится в пределах досягаемости каждого человека, остается широким: можно чувствовать себя

патриотом и одновременно критиковать элиты или посвятить себя политической или общественной деятельности, не утверждая политическую повестку дня, согласовывая её с Кремлем, или владеть патриотизмом не как типом конформизма, а, напротив, как способом социального различия. Следовательно, эффективность патриотизма остается сдержанной, поскольку патриотизм вторгается во многие социальные сферы.

Значимость царского и советского прошлого: национальное государство или империя?

Отношения между государством, страной и империей явились гордиевым узлом российской истории с шестнадцатого столетия из-за того, что границы государства не всегда совпадали с интересами общности, определяющей себя как русские. В средние века, княжества Московское и Новгородское расширили свои владения на северо-запад, ассимилируя финское и венгерское население. После взятия Казани и Астрахани, в 1552 и 1556 годах соответственно, подвига, говорящем о победе Москвы над монгольской Золотой Ордой, достижении царской России в Сибири: преодоление Урала в 1581 году, казаки получили доступ к части Тихого океана в 1680 году, в 1741 году стала подвластной Аляска, включено в 1783 года в состав России Крымское ханство, являющееся вассалом Османской империи. Деятнадцатый век ознаменовался захватом Россией казахский степей и пустыни Центральной Азии, в результате чего в 1895 году Афганистан стал буферным государством между двумя большими европейскими империями – Россией и Великобританией. На протяжении своего существования Царское государство никогда не разрабатывало колониальной идеологии или унифицируемой практики, напротив, множество завоеванных народов в частности, в силу исторических причин, связанных с территориальной экспансией, а также всё культурное разнообразие народов находились под юрисдикцией России. Поэтому государственное устройство и административное деление регулярно видоизменялись.

В советские времена власти стремились создать «национальную политику» в целях нормализации отношений между центром и национальными перифериями. Таким образом, история СССР характеризуется постоянными корректировками, обусловленными, де-факто, превосходством русских и институционализацией национального самосознания, одобряющего общее признание меньшинств. С 1930-х годов Советский Союз институализировал положительную дискриминацию национальных меньшинств в различной степени, определенную центральной властью, а также территориями и административными и культурными правами (Мартин 2001). Благодаря национализации политики, в особенности при Брежнев, произошло формирование некоторых национальных, политических и интеллектуальных элит, а также была подготовлена почва для провозглашения независимости в 1991 году. Тем не менее, русские также занимали привилегированное положение в СССР и считались «позвоночником» страны.

В самом начале существования большевистское государство способствовало русификации страны и стремилось к централизму, как к средству, которое положит конец большому количеству политических и территориальных разногласий. В 1930-ых годах, Сталин дал официальный статус «старшего брата» русским, заключением чего явилось физическое уничтожение национал-коммунистов, которые пытались привить социализм некоренным этническим группам. Такое торжество патриотизма обострилось со вступлением страны в войну в 1941 году, когда происходила депортация миллионов людей, принадлежащих к категории «наказанных народов» за их предполагаемое сотрудничество с врагом.

Начиная с конца советского периода Россия стала федеративным государством, объединяющим, более 80 субъектов, из которых 21 является национальными республиками. В начале 1990-х годов, внезапное исчезновение СССР породило угрозу

целостности страны. Новая независимая Россия оказалась под угрозой распада из-за требований национальных меньшинств, в частности, на Северном Кавказе и на Урало-Поволжье. Таким образом, развал империи предопределил размышления об становлении новой России, на ее возможности принять модель национального государства, и на ее способности построить русскую (российскую) гражданскую идентичность, которая сотрет различия между этническими русскими (русские, представляли приблизительно 80% населения) и национальным меньшинством. Гордящееся 180 этнокультурными группами, признанными в переписи 2002 года, российское государство идет по пути многонациональной России, в которой у этнических русских нет привилегированного статуса. Однако, законодательство закрепляет национальную политику, где русские наделены ролью быть первыми среди равных, так как "потребности и интересы русского народа [русский, в этнокультурном смысле] должны быть полностью отражены в федеральных и региональных программах" (Соколовский 2008). Тем не менее, с начала нового века, все больше политиков стали заявлять, что они поддерживают предложения, регулярно выдвигаемые радикальными националистами - предоставить этническим русским привилегированный статус. Половина населения страны поддерживает идею закона, определяющего особый статус русского народа, как привилегированного народа России, а одна треть выступает против этого (Общественное мнение 2006 Ежегодник, 2006. 6). Термин "русский" (в значении российский), который определяет гражданскую, а не этнокультурную принадлежность граждан, подвергается критике даже в Кремле. Кроме того, вот уже несколько лет власти озабочены слиянием различных территориальных "субъектов", предлагая оставить их не более пятидесяти, это означает, что некоторые национальные республики и округа должны исчезнуть. Это ослабление федеральных структур рассматривается как первый шаг к "русификации России", и повлечет за собой, по меньшей мере, частичную потерю успехов, достигнутых национальными меньшинствами. Это может также включать укрепление русского языка в ущерб языкам национальных меньшинств, а также предоставление высокого статуса православию и, не в последнюю очередь для Москвы, реквизицию богатств в виде экономических ресурсов. Такая рецентрализация вызывает напряженные отношения между центром и периферией, поскольку национальные республики противятся против любого сокращения их автономии.

Российские доктрины продолжают фокусироваться на одном центральном вопросе: является ли Россия европейским типом национального государства с азиатскими владениями или государством евро-азиатского типа? В последнем случае это может быть уподоблено габсбургскому стилю многонациональной империи или же подобию американского государства. В России сегодня каждый видит параллельное восстановление национального государства и империи, которое зарождается в оппозиции к идее гражданской русской нации, критикуя за её абстракции. Россия имеет давнюю традицию управления многонациональным государством, последние два десятилетия ей приходится бороться с ростом возмущений по поводу идентичности как со стороны национальных меньшинств, так и со стороны большинства населения России. Несмотря на превосходство русского языка, русской культуры, религии, органов власти, а также официальных религиозных организаций, история страны может похвастаться национальной терпимостью. Таким образом, вышеотмеченное успешно соответствует советской традиции представления эссенциальных условий различным этнокультурным группам в стране, но созданных в современном режиме Англо-саксонской концепции мультикультурализма (Малахов 2007 г.).

Парадоксальная роль крайне правых

В настоящем контексте развитие радикальных партий, расположенных на крайнем правом фланге политического спектра, в значительной степени предотвращено, так как

аргумент национализма уже используется на стороне правительства. Однако, рост ксенофобии в российском обществе способствовал развитию мощного движения скинхедов, а также групп по борьбе с иммигрантами. Во время перестройки образуются различные течения, воплотившиеся в обществе "Память", представляющую школу кадров для русского национализма, оживившую постсоветскую сцену. С начала 1990-х годов большое количество объединений и малых внепарламентских политических партий попытались, без особого успеха, найти свою социальную нишу. К 1995 году, Панорама - центр, посвященный изучению Российской политической жизни, перечислил более ста организаций, классифицирующих себя как националистические (Верховский, Прибуловский 1996). Доминировали по количеству активистов (несколько десятков тысяч) и доктринальному структурированию две главные партии: "Русское Национальное Единство" под председательством Александра Баркашова и Национал-большевистская партия (НБП) Эдуарда Лимонова. За исключением последней группы, большинство из внепарламентских партий, чей апогей был в 1990-е годы, быстро были заменены на новые движения с более радикальной политической (ссылками на нацизм) и религиозной (неоязыческими движениями) концепцией. Большинство из них уже были совершены убийства лиц, определяемых в качестве "врагов русского народа", как одной из их центральных тем. Небольшие крайне правые партии отказались играть в избирательные игры и призвали своих сторонников к уличным акциям. Все они столкнулись с регулярными юридическими аннулированиями из-за того, что разжигали расовую ненависть, занимались финансовым мошенничеством, связываясь с преступниками и незаконно владея оружием. Часто они были близки к преступным группировкам и участвовали в прибыльной коммерческой деятельности, в особенности были задействованы в частных службах безопасности. На уровне доктрины, только НБП отличалось анархист-революционной теорией, в то время как другие течения комбинировали в себе только призывы к диктатуре, намеки на "русскую идею", православные, и/или нео-языческих религиозные ориентиры, антисемитские и ксенофобные аргументы и символы, которые были более или менее открыто заимствованы у фашистов и у нацистов. Их бойцы часто являлись бывшими членами вооруженных сил (армии, милиции), а также беспризорными детьми, набор которых позволял пополнять ряды.

С конца 1990-ых единственной основой для укрепления социальной значимости крайне правых группировок было скинхед-движение, которое предположительно включало приблизительно 50 000 человек, количество, позволявшее сделать Россию страной с наибольшим числом скинхедов в мире (В.А. Шнирельман, 2007 год).

В основном, это течение было постепенно разделено на множество группировок и был распространен выход за пределы политических доктрин, который разделил малочисленные внепарламентские фракции, повторно сосредотачивая их действия на ксенофобии и ненависти к мигрантам. Изначально движение вербовало своих членов среди очень молодых подростков из неблагополучных социальных классов в пригородах больших городов. Начиная с 2000 года в больших городах, постепенно скинхеды стали формироваться из среднего класса, который появился в результате экономического роста. Такие скинхеды одевались в более дорогую одежду и имели доступ к современным технологиям, были более европеизированы в их повседневной жизни. Они также отличались своими требованиями, основанными на экономическом патриотизме: дети владельцев малых предприятий и трейдеров были против конкуренции со стороны мигрантов (Ларюэль 2009 г.). Кроме того, их врагами являлись не только иностранцы, но и гомосексуалисты, политические оппоненты (сторонники НБП, анархисты, антиглобалисты) и молодые люди с "чересчур западным" образом жизни (панки, рэперы, скейтеры).

Насилие со стороны скинхедов, о котором регулярно сообщалось в новостях, усилилось в начале 2000-х годов: погромы на рынках, где работали лица, идентифицированные как иностранцы. К 2010 году, Центр "СОВА" насчитал 38 человек убитыми и 377 раненых в результате насилия, совершенного на расовой почве, это значительно меньше, чем в 2008 году (Верховский, Кожевникова 2011 года). Эти акты насилия, как правило, оставались безнаказанными, потому что законодательство практически бессильно. Борьба с экстремизмом стала аргументом, используемым властями для сокращения государственных свобод, в частности свободы печати и неправительственных организаций. Законодательство направлено исключительно на противодействие движений, таких как НБП, которые подрывают власть Кремля, и игнорирует тех, кто разжигает расовую ненависть. Соответственно, подавляющее большинство расистских нападений классифицируются в Министерстве Юстиции и прокуратурой, как акты преступности, под предлогом порчи товаров, а не признаются отягчающими обстоятельствами экстремизма (подстрекательство к расовой ненависти).

Обращение внимания мировой общественности на тему миграции сделало возможным для Движения Против Нелегальной Иммиграции (ДПНИ) занимать больше места в российских политических и медиа ресурсах. Созданное в 2002 году, и по сути состоящее из скинхедов, движение привлекло внимание общественности во время погрома Кондопоги в 2006 году и с тех пор представило себя как ассоциацию, которая объединяет все крайне правые движения. В частности, движение взяло эту роль после того, как организовало "русский марш", националистическую демонстрацию, которая организовывалась, начиная с 2005 года, чтобы праздновать День народного Единства 4 ноября. Движение стало основным каналом связи между различным радикальным движениям, в частности, скинхедами и некоторыми политическими партии в Думе (Либерально-Демократическая Партия, члены бывшей партии "Родина", а также президентской партии "Единая Россия"), и чиновников, занимающихся вопросами миграции. Оно сыграло центральную роль в реорганизации националистического спектра вокруг объединяющей темы ксенофобии до ее запрета в апреле 2011 года, после чего его активисты пытались реорганизоваться в новое движение.

Ксенофобия и Россия - неустойчивый социальный консенсус

Быстрое массовое распространение ксенофобии способствует ослаблению многонационального и многоконфессионального государства, которым является Россия. Все социологические опросы подтверждают, что около двух третей людей, прибывающих в качестве трудовых мигрантов, в основном являются выходцами из бывших советских республик Центральной Азии. Такая ксенофобия предназначается не только для иностранцев в юридическом смысле слова, но также и для собственных национальных меньшинств (Леонова 2004, Гудков 2005) из Северного Кавказа. Соответственно, с начала 1990-х годов, в целом преобладало античеченское чувство, обобщенное в "Кавказофобию", а после 2001 года, оно превратилось в безудержную исламофобию. Ксенофобия оказывает влияние на обширные широкие социальные и политические круги. В то время как в начале 1990-ых годов это казалось близко коррелированным политическому голосованию, такая связь постепенно стала исчезать, чтобы с начала 2000-ых не было никакой непосредственной связи между выражением ксенофобии и экстремистским политическим сочувствием. Широкое социальное одобрение, не связанное с политической ориентацией, социальным классом, образовательным уровнем, уровнем дохода или возрастом проявляется через ключевые темы шовинизма. Даже социологические опросы подтверждают, что молодые люди и интеллектуальная элита проявляют высокий уровень ксенофобии (Дубин, Гудков 2007 года). Таким образом, страх перед мигрантами, особенно с Кавказа и из Центральной Азии, оказался одним из основ национального примирения в России, поскольку он далек от деления граждан на

общественные классы, идеологического влияния и культурных реалий, ксенофобия создает единство. Влияние радикальных групп может быть ограничено, но их рассматривают больше как "властных" патриотов, чем как опасные преступные группировки. Терпимость для выражения идей, которые можно было бы описать, как радикальные, производит впечатление очень широкого распространения крайнего национализма. Следовательно, условия должны быть прямо противоположными: широкое распространение крайнего национализма не объясняется влиянием крайне правых, а напротив, это правые легко могут выразить себя в России, потому что в социальном и идеологическом контексте с ними охотно мирятся. Одним из поворотных событий для расширения расистского влияния явились события в Кондопоге в 2006 году. Второй эпизод - события на Манежной Площади в Москве в декабре 2010 году, расистские лозунги способствовали появлению градации "русский" и "кавказец", и молодежных группировок с Северного Кавказа, которые были готовы "драться". Они также дали понять, что молодежный национализм станет одним из элементов предвыборной кампании 2011-2012 гг. До сих пор все попытки организовать националистические партии, независимые от Кремля были неудачными, но сегодня новое поколение боевиков, стремится к "политкорректной" антииммиграционной ксенофобии, сходной с европейской культурой и нормами действий, а также принятием моделей Ле Пена, Берлускони и Хайдера. Они видят недавний успех крайне правых в скандинавских странах как подтверждение своей идеи.

В текущем состоянии российской политической системы никакая сторона не может победить на выборах, если это не утверждено Кремлем. Следовательно, радикальным группам не суждено побеждать на выборах, им даже сложно быть представленными на них. Однако, националисты, вероятно, могли бы стать мощной политической партией, если были бы какие-то глубокие трансформации политической системы, повлекшие утрату контроля Кремлем за политическими отношениями, а следовательно, расширение плюрализма или если бы умеренно ксенофобские популистские движения сложились бы среди правящих кругов, чтобы навязать свои идеи в качестве официальных идей Кремля. Национализм с его ксенофобией, антииммигрантскими лозунгами не исчезнет быстро, как социальные, культурные, политические и идеологические механизмы, которые кормят его, он будет существовать или даже усилится в грядущие годы. Однако, вполне вероятно, что антизападная наклонность русского национализма будет уменьшаться, так как анти-европейские заповеди славянофильства теряют свою актуальность в современной России, особенно среди молодого поколения. Страна, таким образом, будет развивать более тесные связи с европейскими моделями ксенофобского популизма, с большей склонностью к насилию и большей социальной терпимостью к такому насилию.

Заключение

Национализм мало чем отличается от ряда феноменов, отражающих большое количество социальных и культурных событий, которыми живут в современной России. К нему прибегают в случае неудачных реформ, чтобы сформулировать их критический анализ, а также в случае ностальгии по прошлому (Ушакин 2009 г.), принимая во внимание, что элиты и средний класс, извлекавшие пользу в результате проведенных реформ, выражают удовлетворение и веру в то, что Россия победит в игре глобализации. Российское государство надеется одновременно управлять ксенофобскими настроениями, происходящими в обществе, и использовать их для своей выгоды. Это создает необходимость существования национализма, но, в то же время существует стремление к ликвидации такого феномена в случае, если его не удастся контролировать. Под эгидой президентской партии "Единая Россия" и администрации президента имеют место попытки навязать различные виды социального распределения по группам. Власти рассматривают продвижение определенного рода "просвещенного патриотизма" или

“национализма” как инструмент, который не только облегчает модернизацию авторитаризма, унаследованного от СССР, в условиях, когда он принимает капиталистическую модель, но и как ускорение нормализации процесса перехода страны к национальному государству, одновременно не забывая имперское прошлое (тем самым снимая необходимость “русификации России”). Это, вероятно, способствует определенного рода вестернизации страны даже при условии, если это осуществляется с помощью военных средств, как произошло при Петре Великом.

В России понятие нация является федеральным лозунгом: оно охватывает широкий социальный спектр, начиная от расистского насилия скинхедов и ксенофобии населения, до утверждения культурного и материального удовлетворения элит и веры в лучшее будущее для среднего класса. Народ все чаще становится предметом новых политических процессов, так как за последние два десятилетия Россия столкнулась с беспрецедентными радикальными изменениями: развал империи, уменьшение ее границ, исчезновение коммунизма, смена политического режима, социальных преобразований большой величины и открытости для всего мира. В России господствуют настроения принадлежности к определенной цивилизации, успешно закрепляясь в условиях современного культурализма, теорий и рассуждений о правах народов, узаконивания анти-глобализации. Как отмечает Жан-Франсуа Баярт, что “иллюзия личности” (Баярт 1996 г.) в настоящее время является одним из привилегированных ответов глобализации. Таким образом, Россия - часть глобального явления, совершенно не специфичного для нее.